

Политика времен нацизма. Предисловие к публикации «Политики» Карла Шмитта

Александр Филиппов*

Аннотация. Предисловие к публикации перевода статьи «Политика» К. Шмитта. Шмитт в 1933–1936 гг. стремился (хотя и сравнительно безуспешно) стать идеологом нацистского режима, переживавшего пору становления. Это позволяет ставить вопрос о вине мыслителя, но не мешает находить теоретическое содержание в его работах этого периода. Критика парламентской демократии и понимание политического как противостояния врагов приводят Шмитта к концепции трехчленного политического единства народа, государства и движения. Он видит в нацистском режиме новый вид политики, основанной не на борьбе, но на мобилизации ведомого фюрером народа. Эта конструкция оказалась не только политически порочной, но и теоретически ущербной, однако ее изучение является поучительным опытом.

Ключевые слова. Шмитт, политическое, нацизм, антисемитизм, движение, вождь.

Всякий публикатор Карла Шмитта рано или поздно сталкивается с трудной проблемой: как относиться к работам Шмитта, написанным между 1933 и 1945 годами, когда Шмитт пережил наивысший, хотя и кратковременный взлет в карьере, обернувшийся сначала опасным, но все-таки далеко не смертельным падением еще при нацистах, а потом уже после войны окончательным крахом: почти двухлетним, хотя и с перерывами, заключением, попытками отдать его под суд в Нюрнберге и пожизненной отставкой со всех должностей? Хотя фактическая сторона дела хорошо освещена историками, никакой ясности нет ни у критиков Шмитта, ни у его апологетов, ни у тех, кто пытается быть объективным и отдать должное его дарованиям и научным результатам, не оправдывая все, что он сделал и написал. Сложность в том, что лишь на первый взгляд можно ограничиться тем, что инкриминировали ему сразу после войны и что стало поводом для его неожиданного ареста: работами конца 1930-х годов, прежде всего книгой «Порядок больших пространств в праве народов» [1]. Разумеется, это было (бы) логично: Германия развязала мировую войну, а те, кто был причастен к ее подготовке (хотя и только идеологической), должны были (бы) быть наказаны. Взятые в скобки «бы» — не случайно. Доказать юридическую вину Шмитта, в силу легко устанавливаемых и точно квалифицируемых обстоятельств (начиная от содержания его сочинений и кончая личными связями и личным влиянием), оказалось просто невозможно не то что в судебном разбирательстве, а даже и на предва-

---

* **Филиппов Александр Фридрихович** — доктор социологических наук, руководитель Центра фундаментальной социологии, заведующий кафедрой практической философии ГУ-ВШЭ. Email: filippovaf@gmail.com

© Филиппов А., 2010

© Центр фундаментальной социологии, 2010

рительном этапе. «Шмитт в Нюрнберге» — тема достаточно хорошо разработанная, в частности, благодаря трудам Дж. Бендерски, не говоря уже о множестве других историков, работающих, в общем, с одними и теми же источниками¹. Конечно, само по себе решение Кемпнера, пытавшегося довести дело Шмитта до процесса и осуждения, весьма показательно, но его можно при желании интерпретировать как проигрыш более слабого интеллекта одному из умнейших людей Германии. Занимавший важный пост в американских оккупационных войсках и более всего способствовавший аресту Шмитта К. Лёвенштейн называл его «почти гениальным». Кемпнер, как известно, пытался взять реванш задним числом, через много лет опубликовав свою версию допросов Шмитта, искаженную и неполную. Именно Шмитт настаивал на их полной публикации, и лишь в архивах удалось обнаружить все материалы допросов, самым значительным из которых был четвертый и последний, о существовании записи которого долгое время не было известно. После ее публикации часть важных вопросов можно считать решенными. Ниже я даю перевод небольшого фрагмента представленных Шмиттом разъяснений. В теоретическом плане они наименее интересны, но в биографическом весьма красноречивы:

«1. Никогда в жизни между мной и Гитлером не было сказано ни единого слова. За все 12 лет его политической власти я не был ему представлен и ни разу не подавал руки. Я также никогда не добивался этого, не чувствовал к тому желания и не утруждал в этом отношении никого другого. Точно так же никогда в жизни я не говорил с Гиммлером, Геббельсом, Розенбергом, Борманом, Гессом, Бооле и большинством других влиятельных деятелей режима, а также не пытался добиться разговора с ними. Ни у одного из них я не сидел в приемной ни секунды. С 1936 г. я больше никогда не видел Геринга; я также никогда не пытался увидеть его или переговорить с ним. Риббентропа я видел один раз в 1936 г. и перекинулся с ним несколькими ничего не значащими словами. Больше я его не видел и не просил о встрече.

С того времени, как в декабре 1936 г. я подвергся публичной диффамации, я лишь несколько раз виделся с Франком, дважды или трижды в 1937–1938 гг. по делам Академии немецкого права, однажды — вместе с Рихардом Штраусом и дважды во время войны — это были случайные визиты, инициированные его женой. О вопросах, связанных с большим пространством, я не говорил с ним никогда. Я также никогда не посещал его как генерал-губернатора Польши, никогда не был ни в Кракове, ни в каком ином польском городе и за все время немецкой оккупации Польши вообще не был на территории Польши.

2. После 1936 г. никто, ни одна инстанция и ни одно лицо, ни частное, ни по службе, не просили меня об экспертизе, и я не производил экспертиз ни для Министерства иностранных дел, ни для партийных инстанций, ни для армии, ни для экономики или промышленности. Я не давал советов, которые имели бы хотя бы отдаленное отношение к завоевательной или оккупационной политике Гитлера. Я не принимал участия

---

¹ См., прежде всего: [7; 4]. Вообще в публикации источников, в актуализации материалов, опирающихся на вновь найденные источники, преуспели немецкие ученые, имеющие доступ к архивам и способные разобраться (самостоятельно или с помощью специалистов) в почти нечитаемой скорописи и стенографии Шмитта. Но вот в том, что касается оценки источников, Бендерски по-прежнему превосходит многих, кто полагается на сокрушительную силу фактичности и новизны.

ни в одной пресс-конференции или чем-либо подобном и не получал никаких особых инструкции и никакой особой информации» [9, S. 454].

Все так, и Шмитт не лгал. Мало того, самого серьезного внимания заслуживают суждения историков, будь то ангажированный Гюнтер Машке, апологет Шмитта, или энциклопедист Михаэль Штольбайз, автор хоть и леволиберальный, но стремящийся к максимальной объективности [12]. Машке построил любопытную концепцию, в соответствии с которой юридические сочинения Шмитта по международному праву и теория больших пространств были совсем не на пользу агрессивной политике Германии. Шмитт критиковал Англию и видел опасность именно в ее империи как раз в то время, когда Гитлер был явным англофилом, а развязанная Германией война была, с точки зрения шмиттовской концепции пространства, катастрофическим предприятием. Высказать это прямо он, конечно, не мог, но по его работам это можно увидеть совершенно отчетливо. Штольбайз показывает, что к концу 1930-х — началу 1940-х гг. немецкие юристы, бывшие прежде лояльными нацизму (тот же Шмитт), совершенно недвусмысленно выступают против важнейших аспектов нацистского понимания права. Работы Шмитта по международному праву, и в частности, о единстве европейской юриспруденции, прямо противоречат всему, что утверждалось в немецких университетах в первые годы после прихода нацистов к власти. Наконец, после окончания войны Шмитт был одним из первых, если не первым немецким юристом, написавшим квалифицированное заключение о том, что масштабные военные злодеяния не могут рассматриваться как обычные издержки военных действий, но должны быть подсудны именно как преступления².

Однако все это не должно служить апологетике Шмитта. Сам он постоянно ссылался на то, что *уже* в 1936 году подвергся нападкам СС и лишился всякого влияния, что жизнь его была в опасности, а причастным к злодеяниям нацистов он не был ни как теоретик агрессии, ни как ее идеолог. Это правда, но что происходило до 1936 года? И должны ли мы ограничиваться одними только вопросами агрессии? Внутригерманские дела также представляют существенный интерес. Среди этих дел особенно важны следующие направления деятельности Шмитта в период от его возвышения и до падения.

Во-первых, это опыты теоретического, философско-юридического осмысления происходящих в Германии изменений. Важнейшее сочинение Шмитта — «Государство, движение, народ — трехчленное политическое единство» [11] легко заклеить как апологетику режима, однако принципы исторической герменевтики требуют подойти к делу с осторожностью. В самом начале нацистского правления очевидна была его антилиберальная, антипарламентская ориентация, однако переносить на 1933–1934 годы наше знание того, во что превратилась Германия за несколько последующих лет, приписывать все позднейшие характеристики раннему этапу и вменять знание о том, что случится впоследствии, людям, видевшим в те годы перед собой все еще открытое, подвластное им самим, их интеллекту и воле будущее, было бы неправильно. И если принять во внимание, что работы Шмитта не стали и не могли стать частью официальной идеологии, они и поныне остаются тем, чем и должны

² Напомним, что различие врага и преступника — важнейшее, по Шмитту, завоевание европейского права.

были быть: опытом пристрастного, но все же теоретического осмысления одного из ключевых политических явлений XX века.

Во-вторых, заметным направлением деятельности Шмитта была прямая юридическая апологетика политического господства нацистов. Наверное, самым известным, хотя и не единственным сочинением такого рода является знаменитая статья «Вождь защищает право» [2]. Эта статья была написана в переломный момент: Гитлер, бывший уже, по сути, главой Германии, совершил государственный переворот, устранив и старых соратников, и старых соперников на том же самом, радикально-консервативном фланге. Эту статью можно и нужно читать в наши дни с особым вниманием. Несмотря на бесконечные восхваления Гитлера, она содержит не просто обычные для лояльного и стремящегося удостоверить свою преданность карьериста заявления. Шмитт верен себе: в работах Веймарского периода он говорил о том, что суверен есть тот, кто может установить чрезвычайное положение, именно поэтому он способен, встав над законами, создать новое царство нормы, царство новой нормы. В данном случае он пользуется своими теоретическими наработками: «Фюрер защищает право от самого негодного злоупотребления, когда в момент опасности он непосредственно создает право своей силой вождя как высшего судебного главы» [2, с. 264]. Что означает это высказывание? Можно настаивать на том, что Шмитт сервильно отождествляет с правом беззаконие. И можно, напротив, говорить о его попытках перетянуть ситуацию на сторону права. В то время, по его известному признанию, он чувствовал себя интеллектуально выше Гитлера и рассчитывал ввести политически целесообразные решения тоталитарного вождя в контекст юридических понятий и смыслов — тактика, совсем не чуждая немецкой традиции, скорее продолжающая ее в негодном месте и в негодное время. Так чем же были его рассуждения? Попыткой управлять ситуацией? Результатом карьерных устремлений? Выражением искреннего или полуйскреннего желания быть вместе с народом и на стороне народной революции? Оппортунистическим приспособлением к происходящему? Пожалуй, всем вместе, хотя о соотношении каждой из составляющих в его решениях надо спорить в каждом конкретном случае.

Наконец, *в-третьих*, Шмитт в первые годы нацизма посвятил много времени и сил борьбе с «засильем еврейского духа в науках о праве». Здесь, пожалуй, менее всего можно согласиться с Джозефом Бендерски, стремящимся представить антисемитизм Шмитта как сравнительно умеренный и часто имеющий характер того, что по-английски называется «lip service», т. е. неискренней, для виду выказываемой поддержкой [3]. Здесь мы вступаем в область очень темную, так что представляются необходимыми некоторые предварительные разграничения. Большая дискуссия ведется о личном антисемитизме Шмитта: насколько он укоренен в его биографии, как примирить между собой противоречивые свидетельства о его высказываниях и поведении, был ли он культурным, религиозным или именно «биологическим» и в какой мере и т. п.? Несмотря на всю важность разысканий этого рода для биографов, историческое значение самых достоверных результатов в этой области, на наш взгляд, не столь велико. Допустим, например, что мы станем на точку зрения Р.Гросса, необыкновенно активно доказывающего, что Шмитт был скрытым антисемитом даже тогда, когда это никак не проявлялось [6]. Что с того? Это, возможно, и

позволит нам понять некоторые переходы в позиции Шмитта, которые в ином случае показались бы чересчур резкими. Другой исследователь Шмитта приведет не менее веские свидетельства против антисемитизма как базовой установки Шмитта³, и это лишь позволит нам точно так же лишь отчасти понять Шмитта в других ситуациях. И это все. Между тем есть логика события в контексте, и личные намерения и мотивы действующего и говорящего могут быть менее важны, чем то, какой это контекст и какие это события. В 1936 году Шмитт выступил организатором известного конгресса «Немецкая юриспруденция в борьбе против еврейского духа». Конференцию должен был посетить Гитлер, но присутствовал лишь Франк, тот самый, упомянутый выше Франк, в те годы министр и основатель Академии немецкого права, а позже генерал-губернатор Польши и военный преступник. Шмитт, буквально за несколько месяцев накануне краха, делал там вступительный доклад. И вот что он говорил:

«Когда мы... говорим о евреях и еврействе, мы действительно имеем в виду еврея и ничто иное. <...> Проблема еврея не может быть скрыта общими понятиями, не может быть тем самым ослаблена или искажена. То есть, например, говорить в общем о «чуждой сущности» мы не можем. Евреи для нас — чужаки, а мы, немцы, часто обнаруживали подверженность чуждым влияниям. Но подверженность еврейскому существу есть все же нечто иное, чем готовность испытать влияние других, быть может, более родственных и более близких народов. Если мы превратим понятие чужака в общее понятие, в котором нет различий между родственными и неродственными чужаками, мы не сможем научно постигнуть специфически еврейское влияние. Тогда, например, то влияние, какое оказала итальянская музыка на наших великих немецких композиторов Генделя, Баха и Моцарта, окажется в одном ряду с той заразой, которая исходила от Маркса и Гейне. Расовому учению мы обязаны пониманием отличия евреев от всех остальных народов» [10, S. 16].

Разумеется, и это высказывание надо понимать в контексте. А контекст его таков: в это время тучи над Шмиттом сгущались, многие эмигранты (а большая часть эмигрантов были немецкие евреи, в том числе интеллектуалы, хорошо знакомые со Шмиттом) вели против него борьбу. Во множестве публикаций они напоминали о том, сколь многое связывало Шмитта с евреями во времена Веймарской Германии, и упрекали не только за содержание его новых сочинений, но за человечески неприглядное поведение. В ответ Шмитт говорит в цитированной выше речи о том, что на своем опыте знает, какую борьбу ведут эмигранты со всеми, кто «пытается освободиться от их притязаний на господство», как они стараются разрушить доброе имя и научную честь своих противников [10, S. 17]. Но имеет ли значение этот контекст? Для понимания *мотивов* Шмитта, характеристик его личности — да, безусловно. Для оценки той совокупности событий, которая называется трагедией немецкого (в то время — еще только немецкого, а позже и европейского) еврейства, безусловно, нет. В этой перспективе событий логическая конструкция каждого сопряжена не с мотивами действующего, а с общим устройством порядка.

Но что это означает для нас, когда мы обращаемся к сочинениям Шмитта, написанным в этот период? Можем ли мы сказать, что текст, подобный публикуемо-

---

³ Самый полный биографический обзор такого рода см. в: [8].

му ниже, насыщенный ссылками на фюрера и вождей помельче, становится только историческим документом, свидетельством специфических мотивов автора или специфических порядков дискурса? Собственно, в этом и состоит главная проблема публикатора, а вовсе не в том, чтобы с осторожностью пройти по минному полю политических оценок и выбрать верный тон при соприкосновении со столь взрывоопасными материями. Ясно, что текст Шмитта — не просто сочинение, писанное в условиях идеологического давления и контроля. Оно писано именно тем, кто в системе контроля стремится занять позицию контролирующего, в год краха, но еще *до краха*, на пике карьерных опасностей, но и карьерных надежд. Тем важнее посмотреть, что же, кроме свидетельств преданности делу вождя, вложил в него Шмитт, автор прославленного трактата о «Понятии политического».

Рискнем предположить, что «Политика», небольшая словарная статья, вышедшая в свет в один год с пресловутой речью, может вполне рассматриваться также и как научное сочинение, несмотря на все отягощающие обстоятельства. Шмитт, безусловно, продолжает в ней линию, развитую в «Понятии политического», ту линию, которой он, по его собственным уверениям, старался держаться всегда. Знаменитый трактат написан, при всем его блеске, очень двусмысленно, и недаром Шмитт через четверть века в предисловии к последнему, самому полному прижизненному его изданию говорил о специфической публике, на которую, дескать, он только и рассчитывал: публике, состоящей из узкого слоя юристов — специалистов по истории европейского права народов Нового времени. Это мало похоже на правду в части расчетов автора, но об этом не следует все-таки забывать. Понятие государства, так или иначе присутствующее в «Понятии политического», — это новоевропейское понятие, за которым стоит опять-таки новоевропейский феномен, просуществовавший всего несколько веков. Отто Бруннер, немецкий историк, в 1939 году поместил концепцию Шмитта в контекст учений о *raison d'État*. Книга Бруннера «Земля и господство» [5] вышла в свет в 1939 году, а цитировал ее Шмитт в 1963-м. Тем самым, казалось бы, утверждается единство концептуального устройства аргумента — не только у Шмитта, но во всей большой традиции, завершением которой, по мысли Бруннера, и стало «Понятие политического».

Однако не все в порядке в этой картине. Шмитт в 1963 году хотел, чтобы понятие войны, без которого невозможно понятие политического, было перетолковано в духе новоевропейской оберегаемой, ведущейся в соответствии с принципами европейского права народов войны. В таком случае политическое оказывается зоной напряжения за пределами государства, а государство — это область мира, где действует, говоря словами любимого Шмиттом Гоббса, взаимосвязь защиты и повиновения. Проще говоря, вне государства — политика, внутри государства — полиция. Так и пишет об этом многократно сам Шмитт. Это не значит, что концептуальный аппарат «Понятия политического» не годится для большего. Больше — это и раздираемое гражданскими войнами государство, и борьба партий, и кабинетная политика верхов. Но есть во всем этом одна странность. Весь аргумент «Понятия политического» немислим без антропологической составляющей. Политика, политическое действие, политическое напряжение, политическое состояние суть, по Шмитту, высшие состояния человека. Между тем оберегаемая война, различение воюющих войск (комбатантов) и мирных

жителей, соблюдение права и т. п. плохо сочетаются с теми высшими проявлениями политического начала в человеке, о которых пишет сам Шмитт, с тем одушевлением борьбы, которое он находит, например, у Кромвеля, объявившего абсолютным врагом испанцев.

Понятно, почему Шмитта не устраивает партийно-политическая жизнь парламентских демократий: разговоры и компромиссы, половинчатость и неопределенность вместо ясного объявления врагов, честной борьбы и... и, собственно, что дальше? Как выглядит политическое, если оно «правильное», т. е. если народ не разделен на враждебные партии, но един и только вне своих территориальных, государственных границ противостоит иному, враждебному народу? Если держаться представлений, которые пытается насаждать в 1960-е годы сам Шмитт, понять здесь ничего нельзя. Нельзя ничего понять и в том случае, если рассматривать его трактат именно в русле традиции *raison d'État*: какие бы споры вокруг нее ни велись, она предполагает именно отделение резонов государства от основной народной массы, выделение их в собственную, отдельную область, со своей логикой и своими, как сказал бы позже Луман, кодами. Но если это особая область (пусть в ней можно различать добрых и недобрых правителей, это особый вопрос), откуда взяться не просто пассивному приятию правительственных решений, но активному участию в политике народа? То же и с оберегаемой войной. Если она ведется комбатантами, то откуда взяться мобилизационному воодушевлению прочих? Почему результатом интенсификации различий своего и чужого, превращающихся в знаменитое различие «друг/враг», становится — в теории, только в теории! — война комбатантов? Не лучше ли тогда партийное представительство и парламент, помогающие мобилизовать политические интересы и политические действия большинства народа?

Вот в этом-то контексте и надо понимать статью «Политика», позволяющую раскрыть взрывоопасный потенциал «Понятия политического». Политика может быть политикой тотальной мобилизации. Политическое может быть организацией народа в вождистском государстве, где фюрер не просто подчиняет, но мобилизует массы. Только здесь речь пойдет уже не о внутренне мирном полицейском государстве, войска которого ведут обеспеченные правом войны за его пределами. Речь пойдет о тотальном государстве, государстве тотальной мобилизации, динамику которому придают, казалось бы, не только внешние, но и внутренние процессы. С этими процессами тоже не все понятно. Пока только создается (воссоздается) народное единство, пока изгоняют чужаков (Шмитт, заметим попутно, умудрился практически не коснуться расового учения в своей статье), пока побеждают предателей («вождь защищает право!»), все более или менее понятно. Но что потом? Потом неизбежно наступает черед внешней политики. Воодушевленный народ должен по призыву вождя устремиться за пределы, он должен из территориально ограниченного стать пространственной силой. Понятие политического перетекает в понятие тотального государства и отсюда — в понятие пространственной силы, которое предполагает ведение войн. Так складываются вместе частички композиции, в которой ни общетеоретическое понятие политического, ни концепция тотального государства, ни отождествление фюрера с защитником права, ни борьба с евреями как радикально

чуждым, ни, наконец, агрессивная внешняя политика не являются чем-то лишним и ненужным. Все на своих местах.

Это обманчивая логика — в том смысле что логическая связность понятий наводит на мысль о неизбежности следования одного из другого. Но никакой неизбежности здесь нет. На каждом этапе, при каждом повороте Шмитт не служил орудием саморазвития понятий. Он делал выбор, в том числе ошибочный, порочный выбор, который ограничивал возможности следующих теоретических выборов. Но то, что он сам проделал этот путь, провел эксперимент и показал его результаты, составляет непреходящую ценность для потомков. Мы видим эти точки выбора, мы видим соблазны и резоны. Это значит, имея в виду катастрофу — личную катастрофу Шмитта в наименьшей мере, более же всего — немецкую и общеевропейскую катастрофу, — что определенные стратегии уже отработаны навсегда. Кто хочет проделать вместе со Шмиттом хотя бы короткий отрезок теоретического пути, должен всякий раз иметь в виду эту перспективу. Следует, правда, помнить и о том, что выбор — это именно выбор. Теоретические возможности далеко не были исчерпаны тем, что было сделано в эти годы. И сам Шмитт понимал это лучше многих.

Литература

1. *Шмитт К.* Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына // *Шмитт К.* Номос земли. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 479–572.
2. *Шмитт К.* Фюрер защищает право // *Шмитт К.* Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. С. 263–270.
3. *Bendersky J.* New evidence, old contradictions: Carl Schmitt and the Jewish question // *Telos.* 2005. Fall. P. 64–82.
4. *Bendersky J. W.* Carl Schmitt's path to Nuremberg: a sixty-year reassessment // *Telos.* 2007. Summer. P. 6–34.
5. *Brunner O.* Land und Herrschaft: Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Suedostdeutschlands im Mittelalter. Baden bei Wien: Rohrer, 1939.
6. *Gross R.* Carl Schmitt und die Juden. Frankfurt am Main.: Suhrkamp, 2005.
7. *Koenen A.* Der Fall Carl Schmitt: Sein Aufstieg zum «Kronjuristen des Dritten Reiches». Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995.
8. *Mehring R.* Carl Schmitt: Aufstieg und Fall. Eine Biografie. München: Beck, 2009.
9. *Schmitt C.* Antwort an Kempner // *Schmitt C.* Staat, Grossraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969 / Hrsgg. V. G. Maschke. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. S. 453–463.
10. *Schmitt C.* Eröffnung der wissenschaftlichen Vorträge // *Das Judentum in der Rechtswissenschaft 1: Die deutsche Rechtswissenschaft im Kampf gegen den jüdischen Geist.* Berlin: Deutscher Rechts Verlag, 1936. S. 14–17.
11. *Schmitt C.* Staat, Bewegung, Volk: Die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1933.
12. *Stolleis M.* Recht im Unrecht: Studien zur Rechtsgeschichte des Nationalsozialismus. Mit einem neuen Nachwort. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994.